

RU

Аллюзивный аналог как востребованный способ перевода аллюзий с английского языка на русский в тексте художественного произведения (на примере романа Д. М. Кутзее «Осень в Петербурге»)

Коршунова Е. С.

Аннотация. Цель исследования - определить самый востребованный способ перевода аллюзий на основе сопоставления оригинального текста романа Д. М. Кутзее «Осень в Петербурге» и его перевода с английского языка на русский. Автор рассматривает понятия аллюзии, интертекста, интертекстуальности, прецедентного текста, функции аллюзии, способы перевода аллюзий. Научная новизна исследования заключается в том, что были предложены классификация и структура аллюзий с расшифровкой их значимости в тексте произведения с позиции автора статьи, а также выявлены и проанализированы такие способы перевода аллюзий, как аллюзивный аналог и переводческие трансформации. В результате доказано, что аллюзивный аналог является самым востребованным способом перевода, так как большинство аллюзий в романе опираются на хорошо известные читателям факты библейского, мифологического, литературного и исторического происхождения, содержащие топонимы и антропонимы.

EN

Allusive Equivalents as a Popular Mode of Allusion Translation from English into Russian in a Literary Text (by the Example of the Novel “The Master of Petersburg” by J. M. Coetzee)

Korshunova E. S.

Abstract. The study aims to identify the most popular mode of allusion translation based on the comparison of the original text of J. M. Coetzee’s novel “The Master of Petersburg” and its English-Russian translation. The researcher considers the notions of “allusion”, “intertext”, “intertextuality”, “precedential text”, functions of allusions, means of allusion translation. Scientific originality of the study lies in proposing a classification and structure of allusions and at the same time explaining their significance in the text of the novel from the researcher’s standpoint; as well as in identifying and analysing such modes of allusion translation as allusive equivalents and translation transformations. As a result, it has been proved that the use of allusive equivalents is the most popular translation mode, as most allusions in the novel are based on the facts of biblical, mythological, literary and historical origin containing toponyms and anthroponyms that are well known to readers.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена поиском необходимого эквивалента аллюзии на языке перевода для передачи ее смыслового содержания, заключающегося в тексте оригинала. Это вызывает ряд проблем со стороны лингвистов, лексикографов и переводчиков. Вследствие культурной обусловленности аллюзии переводчик должен сначала распознать ее в тексте, а затем подобрать наиболее адекватную форму перевода этого стилистического приема, сохраняя прагматические компоненты информации. В ряде случаев непонятную для читателей аллюзию можно заменить на другую, более приближенную к культурным и языковым реалиям и фоновым знаниям таких людей. Проходя через сознание человека, аллюзивное слово приобретает некоторые специфические черты, свойственные данному национальному общественному сознанию, которое нужно учитывать в процессе перевода, когда создается текст, максимально близкий к оригиналу

с эквивалентно подобранными значениями слов на основе умения распознавать различные оттенки лексического единиц и знания обычаев, привычек, тонкостей отношений и психологии народа – носителя языка.

Для реализации цели исследования были поставлены следующие задачи:

1. Изучить теоретический материал по теме исследования (определение понятий «аллюзия», «интертекст», «интертекстуальность», «прецедентный текст», функции аллюзии, способы перевода аллюзий).
2. Сделать выборку аллюзий в романе «Осень в Петербурге» Д. М. Кутзее.
3. Пояснить значение различных видов аллюзий в тексте романа «Осень в Петербурге».
4. Определить переводческие трансформации, которые использует переводчик в тексте романа.
5. ЗаклЮчить, какой способ перевода аллюзий является самым распространенным.

Среди методов данного исследования применялись: метод анализа научной литературы для определения степени изученности проблемы, метод сплошной выборки, метод количественного подсчета, сравнительно-сопоставительный метод, дескриптивный метод.

В качестве материала исследования были использованы следующие источники: оригинал романа – Coetzee J. M. “The Master of Petersburg” (1994. URL: https://bookscafe.net/read/coetzee_j_m-the_master_of_petersburg-144438.html#p1); русская версия романа – Кутзее Д. М. «Осень в Петербурге» (2001. URL: https://bookscafe.net/read/kutzee_dzhozef-osen_v_peterburge-150554.html#p1); словари – Delahunty A., Dignen Sh., Stock P. “Oxford Dictionary of Allusions” (Oxford, 2001), “The Free Dictionary by Farlex” (URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/Gates+of+Hell>).

Теоретической базой исследования послужили труды Т. С. Сиренко (2015), И. В. Арнольд (1981), В. Н. Комиссарова (2002), И. Р. Гальперина (1977), в которых рассматриваются стилистические функции аллюзии, отграничивающие ее от других стилистических приемов и определяющие ее место в системе выразительных средств. Важным аспектом исследования являлось изучение аллюзии как средства активизации интертекстуальных связей, вызывающего ассоциации с предшествующей созданию текста культурой, что стало возможным благодаря трудам Н. А. Фатеевой (2000), И. П. Ильина (1989), К. Р. Новожиловой (2007), И. П. Смирнова (1995), В. П. Москвина (2002), М. И. Киосе (2002).

Практическая значимость исследования заключается в том, что материал данной работы можно применять в курсах теории и практики перевода, общего языкознания, на занятиях, посвященных интерпретации художественного текста.

Основная часть

Любой художественный текст может содержать стилистические приемы, которые применялись до этого в других текстах. Особую роль среди них играют аллюзии, используемые автором литературного текста для создания художественного образа с помощью отсылки к исторической, политической, культурной жизни других литературных произведений. Таким образом происходит взаимодействие двух текстов на разных уровнях, которое носит название интертекста, а стилистический прием аллюзии является наиболее распространенным способом интертекстуальности, которая представляет собой слагаемое широкого родового понятия, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формулируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или предшествующей литературе (Смирнов, 1995, с. 12).

Многие исследователи не разграничивают эти два понятия. И. П. Ильин (1989, с. 206) подчеркивает, что любой текст – это реакция на предыдущие тексты. Именно одной из таких реакций на предыдущие тексты и является аллюзия, которую рассматривают в свете теории интертекстуальности.

Предыдущий текстуальный референт именуют прецедентным текстом, который является завершенным и самодостаточным продуктом речемыслительной деятельности или сложным знаком, количество значений элементов которого не равно его сути.

Множество российских лингвистов начали проявлять огромный интерес к данному стилистическому приему с середины XX столетия, пытаясь найти способы передать информацию читателю. По мнению И. В. Арнольд (1981, с. 71-78), аллюзия – стилистический прием создания историко-культурного контекста путем упоминания какого-нибудь известного топонима, антропонима, имени исторического лица, исторической даты. Н. А. Фатеева (2000, с. 275) предлагает следующее определение: аллюзия – это заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где и осуществляется их предикация.

М. И. Киосе (2002) полагает, что «аллюзия как единица с национально-культурологическим компонентом значения составляет часть этой картины, и акцентуация некоторого образа при использовании аллюзии свидетельствует о его важности в картине мира, созданной нацией» (с. 18).

К. Р. Новожилова (2007, с. 84) определяет аллюзию как риторическую фигуру, которая отсылает к предметной ситуации других текстов и содержит в себе намёк на литературный или общекультурный факт, который входит в тезаурус и автора, и читателя. Для И. Р. Гальперина (1977) аллюзия – это «скрытое обращение, оформленное словом или фразой, к историческому, литературному, мифологическому, библейскому факту или к факту каждодневной жизни, встречающееся в устной или письменной речи...» (с. 7).

В. П. Москвин (2002) пишет о том, что «основой аллюзии целесообразно считать только однословную единицу либо ряд однословных единиц, не отражающих лексико-грамматической структуры исходного текстового фрагмента» (с. 65).

По мнению Т. С. Сиренко (2015, с. 364-366), можно выделить следующие стилистические функции аллюзии: функция иронии; функция создания комического эффекта; сравнительно-уподобительная функция; окказиональная функция. Функция иронии вносит иронию в характер персонажа, в его действия или в конкретную ситуацию. Функция создания комического эффекта заключается в придании юмористического оттенка произведению, например, если речь идет об аллюзивных именах собственных. Сравнительно-уподобительная функция подсказывает читателю характер или внешний вид персонажа, который уже встречался в тексте-реципиенте. Прием аллюзии является основным средством, необходимым для описания персонажей, и дополнительным средством – для создания глубинной характеристики героев. Применение аллюзии в качестве окказиональной функции вводит читателя в атмосферу определенной эпохи, отсылает к определенному явлению или факту.

Прием аллюзивного аналога используется, когда аллюзия имеет полное соответствие на языке контекста. Чаще всего этот прием применяется при переводе библейских, мифологических, литературных аллюзий. Переводческие трансформации используются при отсутствии словарных соответствий между единицами двух языков или невозможности их применения в данном контексте и служат для максимально точной передачи информации с одного языка на другой. В данной работе мы будем придерживаться классификации В. Н. Комиссарова (2002), который делит все переводческие трансформации на лексические (транскрипция, транслитерация, калькирование, конкретизация, генерализация и модуляция), грамматические (дословный перевод, грамматические замены и членение предложения) и лексико-грамматические или комплексные (описательный перевод, антонимический перевод и компенсация).

Таким образом, значение термина «аллюзия» неоднозначно и допускает целый ряд самых разнообразных толкований. В данном исследовании аллюзия отождествляется с интертекстом, элементом иного текста, включенного во вновь созданный текст. Аллюзия является стилистической фигурой, содержащей явное указание или отчётливый намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в письменной или разговорной речи. Известно, что аллюзии реализуют свой стилистический потенциал, только если читатель является подготовленным, обладает фоновыми знаниями, что делает возможным восприятие скрытого смысла, заложенного автором. Для этого переводчику необходимо максимально приблизить ее к оригиналу, сохранив прагматические компоненты информации.

Роман «Осень в Петербурге» англоязычного писателя Джона Максвелла Кутзее, лауреата Нобелевской премии 2003 года, представляет большой интерес с точки зрения присутствия в нем богатого аллюзивного материала. Южноафриканского писателя привлекает русская литература, в чем он не раз признавался. Кутзее восхищается творчеством русских писателей, но биография и творчество Ф. М. Достоевского интересуют писателя больше других. Он делает Достоевского героем своего романа «Осень в Петербурге» (англ. “The Master of Petersburg”). Магистральными темами романа становятся переосмысленная автором история России XIX века и загадка писательского творчества. В данном исследовании приводится перевод, выполненный Сергеем Борисовичем Ильиным.

В тексте романа все найденные аллюзии были поделены на пять групп: географические названия – топонимы (Петербург, Рим, пьядца Барберини, Троицкий Собор, Сергиева Лавра, Кокушкин мост, Сенная, Иерусалим); мифологические – антропонимы, относящиеся к героям древнегреческих мифов (Орфей, Тритон); библейские – антропонимы, связанные с библейскими образами, и различные явления (Христос, Иуда, Моисей, Ирод, Бог, Иисус, Богородица, Спаситель, ад, судный день, врата ада, осанна, ангелы); исторические – антропонимы, имеющие отношение к реально существовавшим людям (Ф. М. Достоевский (писатель), Сергей Нечаев (организатор террористического общества «Народная расправа»), Павел Исаев (пасынок Достоевского), Екатерина (Екатерина II, наиболее известная как Екатерина Великая, которая была последней императрицей России (с 1762 по 1796 год) и самой продолжительно правящей женщиной – лидером страны), святой Сергей (Сергий Радонежский – один из почитаемых русских святых), Коперник (польский астроном, экономист, механик и математик, живший в эпоху Возрождения)) и литературные, представленные именами персонажей и названиями художественных произведений (доктор Франкенштейн, Раскольников, «Преступление и наказание»).

Рассмотрим, как реализованы аллюзии в контексте романа и какой смысл они несут для общего понимания читательской аудитории.

Большая часть топонимов связана с Петербургом XIX века, в котором Ф. М. Достоевский (главный герой романа) оплакивал своего погибшего сына: “...he recalls that one of the bells of *the cathedral of the Trinity in Sergiyev* is cracked, and has been from Catherine’s time...” (The Master of Petersburg). / «Он вспоминает один из колоколов *Троицкого собора в Сергиевой лавре*, треснувший еще до времен Екатерины...» (Осень в Петербурге).

Мифологические аллюзии представлены именами героев древнегреческих мифов. Согласно легенде, Орфей отправляется в царство мертвых, чтобы спасти свою умершую от укуса змеи жену Эвридику (Легенда об Орфее и Эвридике. URL: <https://soundtimes.ru/mify-i-legendy/legenda-ob-orfee-i-evridike>): “He thinks of *Orpheus* walking backwards step by step, whispering the dead’s woman’s name, coaxing her out of the entrails of hell...” (The Master of Petersburg). / «На ум приходит *Орфей*, шаг за шагом отступающий пятясь, шепчущий имя умершей жены, которую он выманивает из глубин ада...» (Осень в Петербурге). Писатель сравнивает Достоевского с Орфеем, чтобы передать муки, которые испытывал писатель из-за потери сына, точно так же страдал Орфей от того, что не смог спасти свою возлюбленную. Осталось лишь одно имя, которое можно вечно складывать в слог: «Па-вел». В другом примере аллюзия представлена сравнением с указателем “as”: “He thinks of himself as *the Triton* on the Piazza Barberini in Rome, holding to his lips a conch from which jets a constant crystal fountain. All day and night he breathes life into water...” (The Master of Petersburg). / «Он воображает себя *Тритоном* с пьядца

Барберини в Риме, тем, что прижимает к губам раковину, из которой вечно бьет хрустальная струя. День и ночь он вдыхает жизнь в воду...» (Осень в Петербурге). Скульптура Тритона (сына Посейдона) напоминает миф про великий потоп (подобно библейскому), который начался по его же воле: «...заиграл сын Посейдона на своей раковине и вздыбились волны, и затопили землю полностью, оставив лишь некоторые вершины самых высоких гор. В тот же день снова заиграл Тритон на своей раковине, и утихли воды океана» (Тритон // Mifolog.com. 02.11.2021. URL: <https://mifolog.com/triton/>). Достоевский ассоциирует себя с Тритоном, потому что взял на себя ответственность за то, что принял Павла в себя, желая защитить своего сына от осознания, что тот мертв, и эта мысль будет сохранять Павла живым, подобно вечному биению хрустальной струи из раковины скульптуры.

Библейская аллюзия «Христос» (the Christ) в примере: “*The Christ of the Old Testament, the Christ who scourged the usurers out of the temple...*” (The Master of Petersburg). / «Ветхозаветный Христос, тот, что изгнал торгующих из храма...» (Осень в Петербурге) – напоминает нам евангельский рассказ о том, как Христос изгнал торговцев из Иерусалимского храма, чтобы не превратить дом Божий в место удовлетворения чьих-либо амбиций.

Словарь “Oxford Dictionary of Allusions” дает следующее объяснение аллюзии «Иисус Христос»: “*Jesus Christ is the central figure of the Christian religion, a Jewish religious leader worshipped by Christians as the Son of God and the saviour of mankind*” (p. 223). / «Иисус Христос – это центральная фигура христианской религии, иудейский религиозный лидер, которого христиане почитали как сына Господа и спасителя человечества» (здесь и далее – перевод автора статьи. – Е. К.).

Примечателен пример, где встречаются сразу несколько библейских аллюзий – Богородица, судный день, врата адовы, ад, небесный престол, Бог: “*On the day after the last day, when everything has been decided, when the gates of hell have been sealed, the Mother of God will leave the throne in heaven and make a pilgrimage to hell to plead for the damned. She will kneel and she will refuse to rise till God has relented and everyone has been forgiven, even the atheist, even the blasphemer*” (The Master of Petersburg). / «Назавтра после *судного дня*, в который все разрешится и запечатлеются *врата адовы*, Богородица покинет свой *небесный престол* и спустится в *ад*, чтобы молить о милости к душам проклятых. Она преклонит колена и не встанет, покамест *Бог* не смилостивится и не дарует прощение всем, даже атеистам, даже хулителям Его» (Осень в Петербурге). Рассмотрим подробно некоторые из данных аллюзий. Согласно одному из определений словаря “The Free Dictionary by Farlex”, “*the gates of hell*” (*врата адовы*) – “any entrance or portal to the underworld, the realm of the dead as depicted in various religious and mythological traditions that exists below the surface of the earth” («вход или портал в подземный мир, царство мертвых, как описывают различные религии и мифы, которое находится под землей»). Богородицей принято называть в христианстве земную мать Иисуса Христа, одну из самых почитаемых и величайших из христианских святых. В Библии нет упоминания термина «Богородица», а Мария называется по имени (Значение слова «Богородица». URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/богородица>).

Данная речь, наполненная библейскими аллюзиями, относится к Сергею Нечаеву, который утверждал, что для будущего все позволено, даже Библия об этом говорит – все грехи будут прощены.

Говоря об аллюзиях на Библию, невозможно не упомянуть об ангелах: “*The angels will be in transports. They will be freed as well, to walk on the earth like common men*” (The Master of Petersburg). / «Ангелы будут вне себя от радости. Они тоже получают свободу и смогут ходить по земле как обычные люди» (Осень в Петербурге). Ангелами принято считать сверхъестественные сущности, являющиеся посредниками между Богом и людьми, представление о которых возникло из концепции божественной помощи, существующей в мифологии всего мира. Организатор «Народной расправы» упоминает ангелов, с которыми он надеется быть на равных, когда они придут к Богу и призовут его к себе, и все соединятся и станут наконец на равную ногу. Этот пример показывает, что у Нечаева были не только глубокие познания истин Библии, но и слепая вера в то, что его цель будет достигнута, даже Небеса будут на его стороне.

Исторические аллюзии представляют собой реально существовавших людей: Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, Sergei Gennadevich Nechaev, Pavel Isaev, St. Sergius, Catherine, Copernicus. Сергей Нечаев, представленный в романе Д. М. Кутзее, на самом деле был организатором террористического общества «Народная расправа», который обладал талантом управлять умами людей, утверждая, что во благо революции все средства хороши (Сергей Нечаев – злой гений революции // Дилетант. 20.02.2017. URL: <https://diletant.media/articles/34277121/>): “*Nechaev stands first and foremost for the violent overthrow of all the institutions of society, in the name of a principle of equality – equal happiness for all or, if not that, then equal misery for all*” (The Master of Petersburg). / «*Нечаев* ратует прежде всего и главным образом за насильственное уничтожение всех общественных институтов во имя принципа равенства – равного счастья для всех, а не получится счастья, так равного ничтожества» (Осень в Петербурге).

Ф. М. Достоевский (1821-1881) известен как выдающийся русский писатель, мыслитель, философ и публицист XIX столетия: “*Your loving father, Fyodor Mikhailovich Dostoevsky,*» murmurs the magistrate, and looks up...” (The Master of Petersburg). / «*Твой любящий отец Федор Михайлович Достоевский*», – бормочет следователь, поднимая на него взгляд...» (Осень в Петербурге).

В реальной жизни Павел Исаев, как и в романе, был пасынком Достоевского – женившись на М. Д. Исаевой, писатель принял на себя все обязанности по воспитанию и образованию ее сына: “*Pavel Alexandrovich Isaev is my stepson, my late wife’s only child ...*” (The Master of Petersburg). / «*Павел Александрович Исаев – мой приемный сын, единственное дитя моей покойной жены ...*» (Осень в Петербурге).

К литературным аллюзиям относятся: Doctor Frankenstein, Raskolnikov, “Crime and Punishment”. Вот как Сергей Нечаев восхищается книгой Достоевского: “*I have read your book Crime and Punishment... There were times when it frightened me. Raskolnikov’s illness and so forth. You must have heard it praised by many people...*”

(The Master of Petersburg). / «Я прочел ваш роман “Преступление и наказание”... По временам она меня даже пугала. Болезнь Раскольникова и тому подобное. Вам наверняка довелось выслушать ей немало похвал...» (Осень в Петербурге). Нечаев не напрасно вспомнил героя романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» – Родиона Романовича Раскольникова, который пошел на убийство старухи-процентщицы ради спасения близких. Судя по всему, его восхищает смелость Раскольникова, так как он сам одобрительно относился к бунтам. Так, на страницах романа он жаждет побудить студентов к революции, заставляя Достоевского способствовать этому.

По структуре аллюзии в тексте романа представлены в основном одним словом; фразами, образованными по схемам: прил. + сущ., сущ. + предлог (of) + сущ.; входят в состав сравнений с союзом as/like.

Сравнительно-сопоставительный анализ текста романа и его перевода в исполнении С. Б. Ильина позволил выявить способы перевода аллюзий с английского на русский язык. Переводчик чаще всего прибегал к подбору аллюзивного аналога – такой вариант перевода является одним из востребованных и удачных, поскольку в любом достаточно развитом языке можно подобрать подобные соответствия. Таким способом были переведены следующие аллюзии в анализируемом произведении: Frankenstein – Франкенштейн; Raskolnikov – Раскольников; Dostoevsky – Достоевский; Copernicus – Коперник; Jerusalem – Иерусалим; Orpheus – Орфей; Jesus Christ – Иисус Христос; the Mother of God – Богородица; Herod – Ирод; Judas – Иуда; Moses – Моисей и некоторые другие.

Среди переводческих трансформаций можно выделить следующие:

1. Грамматическая замена: “Christ is risen! – he wants to call out, and hear her respond «Christ is risen!» and clash her egg against it” (The Master of Petersburg). / «Христос воскрес!» “Воистину воскрес!» – ему хотелось пуститься в пляс, затанцевать» (Осень в Петербурге). В русском варианте фразы “Christ is risen!”, употребляемой второй раз, аллюзия «Иисус» заменяется наречием «воистину», видимо, ввиду того, что так принято говорить в России в день Великой Пасхи. Другим примером грамматической замены служит фраза-аллюзия с предлогом “of” – “the day of judgment”, которая в прямом переводе на русский язык звучит как «день суда», но переводчик предпочел структуру «прилагательное + существительное» – «судный день».

2. Прием лексических добавлений. Рассмотрим пример: “The French didn’t have a true revolution because they did not have the courage to push it all the way through...” (The Master of Petersburg). В русском варианте переводчик изменяет грамматическую структуру предложения, добавляя историческую аллюзию «французская революция»: «Французская революция не была революцией подлинной, потому что французам не достало отваги довести ее до конца» (Осень в Петербурге). Можно также привести пример добавления – “Sergiyev”, которое на русском языке представлено как «Сергиева лавра».

3. Прием лексического опущения: “A lost angel, an imperfect angel, one of God’s castoffs” (The Master of Petersburg). / «Заблудший ангел, несовершенный, из числа отвергнутых Богом» (Осень в Петербурге). Переводчик предпочел не повторять при переводе на русский язык аллюзивную единицу «ангел», ограничившись прилагательным «несовершенный».

Итак, понятие «аллюзия» неоднозначно и допускает целый ряд толкований. Ее можно изучать с позиции таких лингвистических дисциплин, как стилистика, риторика, страноведение и переводоведение. Среди стилистических функций аллюзий можно выделить иронию, комический эффект, сравнительно-уподобительную функцию и окказиональную функцию. В случае полного соответствия на языке контекста используется прием аллюзивного аналога, который характерен при переводе библейских, мифологических и литературных аллюзий. Если словарных соответствий между единицами двух языков нет, тогда необходимо использовать переводческие трансформации.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Литературная аллюзия является явной или неявной ссылкой на другой литературный текст, называемый прецедентным. Таким образом, аллюзию можно рассматривать как стилистический прием в свете теории интертекстуальности. Аллюзия указывает на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в письменной или разговорной речи.

Согласно проведенному исследованию, все аллюзии в тексте романа «Осень в Петербурге» Кутзее были поделены на пять групп: географические названия (топонимы), мифологические, библейские, исторические и литературные аллюзии. Самую многочисленную из них составляют библейские аллюзии, обладающие высокой степенью экспрессивности и эмоциональности. Их выбор писателем не случаен, так как именно они помогают создать психологический портрет русского писателя – Ф. М. Достоевского, раскрыть внутренние мотивы поведения Сергея Нечаева и общества террора «Народная расправа», понять поступок Павла Исаева, который покончил жизнь самоубийством, и в целом заставить читателей поверить в реальность всего повествования.

Среди способов перевода, использованных переводчиком, были выделены следующие: аллюзивный аналог, грамматическая замена, прием лексического добавления и опущения. Самым востребованным способом перевода оказался аллюзивный аналог. Большинство аллюзий являются аллюзиями на общеизвестные факты, такие как библейские, мифологические, литературные и исторические личности, топонимы, знакомые читателю, и поэтому не требуют каких-либо переводческих трансформаций.

Переводчик очень четко передал на русском языке каждую аллюзию благодаря своему высокому мастерству и языковой интуиции, что требует кропотливой работы с первоисточником, различными словарями и другой справочной литературой. Но незнание или неполное знание претекста делает невозможными

адекватное восприятие и интерпретацию художественного произведения и ведет к серьезным потерям информации, не позволяя сохранить интертекстуальные связи в литературном переводе.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в анализе и сравнении двух или более переводов аллюзивных единиц текста какого-либо одного романа англоязычного писателя и выявлении самого оптимального из них.

Источники | References

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981.
2. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1977.
3. Ильин И. П. Стилистика интертекстуальности. Теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики: сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1989.
4. Киосе М. И. Лингво-когнитивные аспекты аллюзии: на материале заголовков английских и русских журнальных статей: дисс. ... к. филол. н. М., 2002.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002.
6. Москвин В. П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий // Филологические науки. 2002. № 1.
7. Новожилова К. Р. Стилистика повествовательного текста: теоретические и исторические основы. СПб., 2007.
8. Сиренко Т. С. Стилистический аспект аллюзии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1.
9. Смирнов И. П. Порождение интертекста. СПб., 1995.
10. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000.

Информация об авторах | Author information

Коршунова Елена Сергеевна¹, к. филос. н., доц.

¹ Аграрный университет Северного Зауралья, г. Тюмень

Korshunova Elena Sergeevna¹, PhD

¹ Northern Trans-Ural Agricultural University, Tyumen

¹ omichka-1@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.09.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

Ключевые слова (keywords): аллюзия; интертекстуальность; переводческие трансформации; претекст; словарные соответствия; allusion; intertextuality; translation transformations; pretext; lexical equivalents.